DOI: 10.51522/2307-0382-2021-224-1-39-46

УДК 159.9

Г. И. КОРЧАГИНА

доцент кафедры психологии факультета педагогики и психологии
Педагогического института ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»,
кандидат психологических наук, доцент

Киров

GALINA I. KORCHAGINA

Assistant Professor of the Department of Psychology of the Faculty of Pedagogy and Psychology
of the Pedagogical Institute of the FSBEI HE «VyatSU», Candidate of Psychology,
Associate Professor

Kirov

А. Н. МИХАЙЛОВ

доцент кафедры кадровой, воспитательной и психологической работы в уголовно-
исполнительной системе ФКУ ДПО Кировский ИПКР ФСИН России,
кандидат психологических наук, доцент, подполковник внутренней службы

Киров

ALEXEY N. MIKHAILOV

Assistant Professor of the Department of Personnel, Educational and Psychological Work
in the Penitentiary System of the Kirov IPKR of the FPS of Russia, Candidate of Psychology,
Assistant Professor, Lieutenant Colonel of the Internal Service

Kirov

Т. В. ПИВОВАРОВА

преподаватель кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин
юридического факультета Университета ФСИН России, кандидат психологических наук,
майор внутренней службы

Санкт-Петербург

TATIANA V. PIVOVAROVA

Lecturer of the Department of Humanities and Natural Sciences of the Law Faculty
of the University of the FPS of Russia, Candidate of Psychology, Major of the Internal Service
Saint-Petersburg

Исследование типологии коррупционного поступка осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы

Study of the typology of the act of corruption of convicts serving sentences in prison

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования осужденных, совершивших коррупционные преступления, предусмотренные уголовным законодательством Российской Федерации. В ходе эксплораторного факторного анализа авторами была выявлена типология данных осужденных: «прагматичный», «неустойчивый», «приспосабливающийся», «разотождествленный». Все выделенные типы включают шкалы, которые позволяют определить и охарактеризовать психологическую структуру коррупционного поступка осужденного (за исключением четвертого типа). Также в ходе исследования установлены инвариантные компоненты психологической структуры в предложенных типах коррупционного поступка и некоторые особенности каждого из них.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, коррупция, коррупционный поступок, коррупционное преступление, психология, личность осужденного.

Abstract. The article presents the results of an empirical study of convicts who have committed corruption crimes provided for by the criminal legislation of the Russian Federation. In the course of exploratory factor analysis, the authors identified the typology of such convicts: «pragmatic», «unstable», «adapting», «disidentified». Each of the identified types includes scales that allow one to determine and characterize in each of them (with the exception of the fourth type) the psychological structure of a convicted person's act of corruption. Also, invariant components of the psychological structure in each of the proposed types of corruption are highlighted. During the study, some features of each of the components of the psychological structure of a corruption act were identified.

Key words: penal system, corruption, act of corruption, corruption crime, psychology, personality of the convict.

19.00.06 Юридическая психология (психологические науки)
Legal psychology

По данным Генпрокуратуры России, за период январь – октябрь 2020 года зарегистрировано 27 600 преступлений коррупционной направленности; общее количество уголовных дел по коррупционным статьям Уголовного кодекса Российской Федерации, направленных в суд, – 18 468 (получение взятки, дача взятки, посредничество во взяточничестве, мелкое взяточничество) [1]. Ущерб от коррупционных преступлений составил почти 45 миллиардов рублей [2].

С. П. Глинкина подчеркивает, что коррупция представляет собой многоаспектное, многоуровневое, системно организованное социальное явление, интегрирую-

щее в себе экономическую, юридическую, социальную, управленческую, этическую и политическую составляющие [3]. А. Л. Журавлев и А. В. Юревич делают акцент на том, что «в нем присутствует и психологический компонент (имея самостоятельное значение, он органически включен и в перечисленные звенья – социальное, управленческое, этическое и другие), поэтому психологическая наука просто обязана – перед самой собой и перед обществом – включиться в его междисциплинарное изучение, а психологическая практика – в его искоренение» [4].

Объект нашего исследования – личности осужденных, совершивших коррупционные преступления, предусмотрен-

ные уголовным законодательством Российской Федерации.

Предмет исследования – особенности личности осужденных, совершивших коррупционные преступления, предусмотренные уголовным законодательством Российской Федерации.

Целью исследования является эмпирическое выявление типологии структуры коррупционного поступка осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы.

Социально-демографическая характеристика выборки: осужденные, совершившие коррупционные преступления, предусмотренные уголовным законодательством Российской Федерации. В их числе лица, состоявшие (до вступления обвинительного приговора в законную силу) на должностях государственной гражданской службы Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, лица, замещавшие должности муниципальной службы в органах местного самоуправления, а также лица, ранее проходившие службу в правоохранительных органах. Всего в эмпирическом исследовании приняли участие 170 осужденных, отбывающих наказание в ФКУ ИК-5 УФСИН России по Кировской области. Время нахождения в исправительной колонии – от одного года до двух с половиной лет. Средний возраст респондентов составил 35,5 лет.

В качестве единицы анализа нами был выбран коррупционный поступок и его структура. Мы полагали, что такой выбор с точки зрения структуры и функциональной направленности коррупционного поступка позволит переосмыслить содержание, вклад и взаимодействие отдельных элементов при совершении корыстного правонарушения. По мнению Е. М. Богодуховой и В. Г. Гордиенко, «конструк-

тивность определения коррупционного поступка как единицы анализа состоит в том, что родовым является понятие «коррупционной деятельности» [5].

В основе данного методологического положения лежит допущение, что коррупционная деятельность осуществляется в рамках профессиональной. В теории профессиональной деятельности В. Д. Шадрикова уже определены шесть функциональных блоков, составляющих ее психологическую систему:

- цель профессиональной деятельности;
- мотивы профессиональной деятельности;
- программа деятельности;
- информационная основа деятельности;
- принятие решений;
- подсистемы профессионально важных качеств [6].

На наш взгляд, «сам конструкт коррупционного поступка с точки зрения структурно-функционального анализа – многокомпонентное и многоуровневое психологическое образование. Взаимодействие внутри коррупционного поступка образует новые структурные компоненты (уровни)» [7].

Постановка проблемы исследования требовала особого метода исследования – реконструкции и характеристики психологической структуры коррупционного поступка у осужденных за коррупционные преступления.

В качестве психодиагностического инструментария в нашем исследовании выступили следующие методики: «Фигуры Готтшальдта», «Субъективная семантика» [8], «Многомерный профессионально-психологический личностный тест» (МППЛТ-1.3) А. В. Сидоренкова [9], опросник «Стиль саморегуляции поведения – 98»

(ССП-98) В. И. Моросановой [10], «Дифференциальный тест рефлексивности» (ДТР) Д. А. Леонтьева, Е. Н. Осина [11], «Опросник временной перспективы Зимбардо» (ZTPI – от англ. Zimbardo Time Perspective Inventory) [12].

Рассмотрим основные результаты эмпирического исследования.

Для выделения первичной структуры коррупционного поступка был применен эксплораторный факторный анализ (схема факторного анализа, при которой исследователь изначально не знает, какая система факторов позволяет описать матрицу корреляционных связей). Данная структура позволяет выделить соразмерные (инвариантные) компоненты коррупционного поступка в рамках различной типологии структур, соответствующих разным типам коррупционной личности (таблица 1).

Проанализировав представленные данные, мы выявили *типологию личности осужденных, совершивших коррупционные преступления, предусмотренные уголовным законодательством Российской Федерации* (названия типов – условные). Каждый из выделенных типов включает шкалы, которые позволяют определить и охарактеризовать психологическую структуру коррупционного поступка осужденного в каждом из них (за исключением четвертого типа).

Первый тип – «прагматичный». Характеризуется способностью к системной рефлексии (развитая способность к самоанализу и оценке собственных поступков), потребностью во внешнем одобрении, в высоком уровне достижений и высоким уровнем общей саморегуляции, который позволяет эффективно планировать и моделировать свою деятельность.

Коррупционеру с данным типом структуры свойственны следующие лич-

ностные характеристики: практичность, ответственность, ориентированность в первую очередь на будущую перспективу, а не на конкретную ситуацию (направленность на результат, а не на процесс), мотивация достижения успеха, самоуверенность (высокая уверенность в своих силах и безнаказанности). У респондентов наблюдается развитая стрессоустойчивость (эмоциональная устойчивость), высокий уровень социального мышления, который позволяет эффективно оценивать мотивы поведения других людей и моделировать его.

Второй тип – «неустойчивый». Отличительной особенностью является негативное отношение к прошлому, склонность «застревать» в старых обидах и неудачах. В то же время полученные эмпирические данные свидетельствуют о его способности объективно оценивать свое поведение и поступки (рефлексивный компонент выражен в системной рефлексии и интроспекции). У коррупционера с данным типом структуры зачастую отсутствует сфокусированная цель, наблюдается низкий уровень сформированности и осознанной саморегуляции произвольной активности.

Личностные черты: эмоциональная лабильность, самоуверенность, низкий уровень нравственных и волевых качеств.

Третий тип – «приспосабливающийся». Имеет схожие характеристики с первым типом: практичность, мотивацию одобрения и высокий уровень социального мышления (способность понимать и просчитывать поведение других людей, устанавливать наиболее продуктивные отношения с окружающей средой). В отличие от первого типа у респондентов выражено стремление к полнезависимости (гедонистический характер мотивов и целей, отсутствие стремления к обще-

Таблица 1

Первичная факторная структура коррупционного поступка

Шкала	Тип структуры коррупционного поступка личности			
	«Прагматичный»	«Неустойчивый»	«Приспосабливающийся»	«Разотождествленный»
Полезависимость / полнезависимость	–	–	0,603	–
Негативное прошлое	–	0,832	–	–
Гедонистическое настоящее	–	0,557	–0,417	–
Будущее	–	–	–	0,753
Позитивное прошлое	–	–	–	0,666
Фаталистическое настоящее	–	0,708	–	–
Системная рефлексия	0,516	–	–	–
Интроспекция	–	0,767	–	–
Квазирефлексия	–	0,581	–	–
Общий уровень саморегуляции	0,707	–	–	–
Мотив одобрения	0,773	–	–	–
Мотивация достижения	0,723	–	–	–
Ответственность / безответственность	0,694	–	–	–
Практичность / мечтательность	0,458	–	0,453	–
Ориентация на перспективу / ориентация на ситуацию	0,408	–	0,457	–
Формальное общение / неформальное общение	–	–	0,608	–
Самоуверенность / неуверенность	0,592	–0,450	–	–
Стыдливость / бесстыдство	–	0,536	–	–
Эмоциональная неустойчивость	–0,403	0,544	–	–
Социальное мышление	0,439	–	0,450	–0,451

ственному одобрению), но при этом их поведение сопровождается умением чувствовать и соблюдать нормы, принятые в ближайшем окружении. Коррупционеры с данным типом структуры рассчитывают на поддержку той социальной среды, в которой они находятся и которой стремятся соответствовать. Но в то же время они предпочитают действовать в одиночку в рамках достижения личных целей, которых добиваются с помощью манипулирования другими людьми и неправомерных способов поведения.

Личностные черты: эмоциональная лабильность, практичность, ориентация на ситуацию, самоуверенность, низкий уровень нравственности (бесстыдство, безответственность, замена высоких человеческих ценностей поверхностными, гедонистическими мотивами).

Четвертый тип – «разотожествленный». Является наиболее разрушенным в духовно-нравственном аспекте. Коррупционеру с данным типом структуры присуще асоциальное мышление (отсутствие понимания мотивов поведения людей, которые его окружают; дистанцированность от людей).

Данный тип больше характерен для человека, который находится в исправительном учреждении, а не для коррупционера. Это связано с тем, что он разотожествляет себя с настоящим социальным окружением, характеризуется направленностью своих мыслей и стремлений либо к позитивному прошлому, либо к будущему. В целом основой его активности является выполнение краткосрочной, постоянно изменяющейся программы деятельности. Из дальнейшего анализа этот тип структуры был исключен ввиду его малой информативности.

Таким образом, в связи с предложенной типологией мы выделили следующие

компоненты психологической структуры коррупционного поступка, которые инвариантны в каждом из трех типов личности осужденных (четвертый был исключен).

Рефлексивный компонент. Отражает субъективный контроль, мыслительный процесс, с помощью которого человек способен оценивать свое психологическое состояние, поведение и деятельность в прошлом, давать объективную оценку происходящему и, соответственно, соотносить это с общественными ценностями. Корректировка своего актуального психологического состояния, поведения и деятельности происходит через анализ и проектирование своего поведения и деятельности в будущем.

Ведущие показатели: способность к системной рефлексии, правосознание личности, нравственные качества (такие, как ответственность, стыдливость, чувство долга и другие), формальное общение.

Регуляционный компонент. Характеризует способность к осознанной саморегуляции поведения, а также к планированию, моделированию и прогнозированию своей деятельности.

Ведущие показатели: уровень саморегуляции, локус-контроль, эмоциональная устойчивость – неустойчивость, механизмы принятия решений.

Мотивационно-целевой компонент. Отражает ведущую мотивацию деятельности, а также самостоятельность или зависимость от социального окружения.

Показатели: мотивация достижения успеха, полнезависимость, ответственность, мотивация одобрения, стремление к саморазвитию.

Деятельностно-важные качества, характеризующие личность коррупционера: эмоциональная лабильность, самоуверенность, практичность. Данные показатели

выступают как свойства личности, деформированные в процессе ее нравственного разрушения, проявляются в процессе профессиональной деятельности как девиантное поведение человека.

В ходе исследования были выявлены отдельные особенности каждого из компонентов в рамках представленной выборки, которые были сформулированы на основе данных описательной статистики, а также коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

В рамках мотивационно-целевого компонента происходит смещение мотивов поведения личности в сторону социальной адаптации и зависимости принятия решений от социального окружения. Кроме того, цели формулируются в основном на основе выгоды, потребности во власти и в социальном одобрении.

У большинства респондентов – низкий уровень способности к нравственной оценке своего поведения, но при этом сохраняется способность контролировать, планировать и моделировать свое поведение и деятельность.

В рамках мотивационно-целевого компонента среди типичных для респондентов личностных особенностей наиболее выражены эмоциональная устойчивость, ответственность, самоуверенность. Данные результаты характеризуют

коррупционера как парадоксальную личность, одновременно обладающую как положительными, так и отрицательными профессионально важными качествами.

Наряду с этим среди всех личностных качеств выделяется самоуверенность. Показатель самоуверенности одинаково представлен во всех выделенных нами типах структур и при этом имеет значимые связи с временной перспективой, которая по своему характеру отвечает за программу деятельности, а соответственно, и за динамическую составляющую структуры в целом. То есть самоуверенность, как положительное качество личности коррупционера при других благоприятных характеристиках, может выступать в качестве решающего фактора при совершении коррупционных правонарушений, что также необходимо учитывать в рамках диагностики и психологической коррекции коррупционных склонностей личности.

Анализ эмпирических исследований криминологических факторов ресоциализации осужденных, совершивших коррупционные преступления, показывает потребность в глубоком исследовании механизмов эмоционального напряжения, совладания, структур преступного поведения с целью определения стратегий их психологической поддержки. ♦

1. Состояние преступности в России за январь – октябрь 2020 года : ежемесячный сборник за октябрь / Генеральная прокуратура Российской Федерации. М., 2020. С. 8, 26–28.
2. Ущерб от коррупции по уголовным делам в 2020 году превысил 45 млрд рублей // ТАСС. 08.12.2020. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/10202245> (дата обращения: 17.12.2020).
3. Глинкина С. П. Коррупция: фатальная угроза? // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние / под ред. О. Т. Богомолова. М. : ИНЭС, 2010. С. 427–455.
4. Журавлев А. Л., Юревич А. В. Психологические факторы коррупции // Прикладная юридическая психология. 2012. № 1. С. 9.
5. Богодухова Е. М., Гордиенко В. Г. Психологические механизмы коррупционного поведения личности // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 44. С. 1–23. URL: <http://e-koncept.ru/2017/570134.htm> (дата обращения: 17.12.2020).

6. Шадриков В. Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М. : Наука, 1982. 185 с.
7. Корчагина Г. И., Богодухова Е. М., Дровосеков С. Э. Психологические подходы к исследованию коррупционного поведения личности // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 29. С. 345–351. URL: <http://e-koncept.ru/2017/770876.htm> (дата обращения: 17.12.2020).
8. Ванновская О. В. Психология коррупционного поведения госслужащих : монография. СПб. : Книжный дом, 2013. 261 с.
9. Сидоренков А. В. Многомерный профессионально-психологический личностный тест : монография. Ростов н/Д. : РСЭИ, 2013. 282 с.
10. Моросанова В. И. Диагностика саморегуляции человека. М. : Когито-Центр, 2015. 304 с.
11. Осин Е. Н., Леонтьев Д. А. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11, № 4. С. 110–135.
12. Зимбардо Ф., Сворд Р., Сворд Р. Время как лекарство. Сер. Мастера психологии. СПб. : Питер, 2017. 288 с.

-
1. The state of crime in Russia in January – October 2020 : monthly collection for October / General Prosecutor's Office of the Russian Federation. Moscow, 2020. p. 8, 26–28.
 2. Damage from corruption in criminal cases in 2020 exceeded 45 billion rubles // TASS. 08.12.2020. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/10202245> [Accessed 17th December 2020].
 3. Glinkina, S. P., ed. by Bogomolov, O. T. (2010) *Corruption: a fatal threat?* // Non-economic facets of the economy: unidentified mutual influence. Moscow : INES, pp. 427–455.
 4. Zhuravlev, A. L., Yurevich, A. V. (2012) Psychological factors of corruption // *Applied Legal Psychology*. 1, 9.
 5. Bogodukhova, E. M., Gordienko, V. G. (2017) Psychological mechanisms of a person's corrupt behavior // *Scientific-methodical electronic journal «Concept»*. Vol. 44, pp. 1–23. URL: <http://e-koncept.ru/2017/570134.htm> [Accessed 17th December 2020].
 6. Shadrikov, V. D. (1982) *Problems of systemogenesis of professional activity*. Moscow : Science, 185 p.
 7. Korchagina, G. I., Bogodukhova, E. M., Drovosekov, S. E. (2017) Psychological approaches to the study of person's corrupt behavior // *Scientific-methodical electronic journal «Concept»*. Vol. 29, pp. 345–351. URL: <http://e-koncept.ru/2017/770876.htm> [Accessed 17th December 2020].
 8. Vannovskaya, O. V. (2013) *Psychology of corruption behavior of civil servants* : monograph. SPb. : Knizhny Dom, 261 p.
 9. Sidorenkov, A. V. (2013) *Multidimensional professional-psychological personality test* : monograph. Rostov-on-Don : RSEI (Rostov Social and Economic Institute), 282 p.
 10. Morosanova, V. I. (2015) *Diagnostics of human self-regulation*. Moscow : Kogito Tsentr, 304 p.
 11. Osin, E. N., Leontiev, D. A. (2014) «Good» and «bad» reflection: from an explanatory model to differential assessment // *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. Vol. 11, 4, 110–135.
 12. Zimbardo, F., Sword, R., Sword, R. (2017) *Time as a medicine*. Series Masters of Psychology. SPb. : Peter, 288 p.